

Войдя в квартиру, я почувствовал, что что-то тут не так. Прямо в коридоре на полу валялся халатик жены и ее трусики. Девочка она, как я уже говорил, очень аккуратная, поэтому я увидел то, чего в принципе не могло быть никогда. Дверь нашей комнаты была полуприкрыта, а вернее приоткрыта где-то на треть. С бешено колотящимся сердцем я подкрался к комнате, осторожно заглянул

Катя абсолютно голая сидела у компьютера в кресле, перед включенным монитором. Голый Самвел стоял за ее спиной и делал ей массаж плеч. Она тяжело дышала, и, с прикрытыми глазами, вращала головой так, как будто разминала шею. Его член был вздыблен. Ядреная залуца касалась спины моей жены где-то между худенькими лопатками. Он мял Катю бережно, но в тоже время сильно. Она была в блаженстве.

Увиденное совершенно сбilo меня с панталыку. Одурев, я выпорхнул на лестничную площадку, осторожно прикрыл дверь. Мне почему-то страшно не хотелось, чтобы они меня засекли. А еще, о ужас, с каким-то сладким стыдом я ощущал, что меня эта картина возбудила. Но ревность застелила мои глаза. И мне понадобилось минут пять, чтобы хоть как-то придти в себя. В этой ситуации можно было наломать "крутых" дров, поэтому, крепко зажмурившись, я выждал время и дрожащими руками стал нарочито громко греметь ключами, чтобы дать им время замести следы.

Когда я, сняв верхнюю одежду, вошел в комнату к жене, она уже в халатике сидела за компьютером. Глянула на меня отсутствующим взглядом, спросила, почему я вернулся рано и опять устала в монитор. Я сказал что-то о квартире, она ничего не ответила. Ее пальчики дрожали и зло, как шныряющие пауки со стуком проворных ножек, бегали по клавиатуре.

- Катя, ты мне ничего не хочешь рассказать?

-:

-Катя?!

- Ну, что, что, что?! Не видишь, я статью набираю. Вечно он пристает, не дает сосредоточиться, - она была явно раздражена.

Неожиданно для себя, я сел на постель и расплакался.

Она с досадой вздохнула, присела рядом:

-Что случилось, чего ты плачешь?

- А ты не понимаешь?

-Нет: Не плачь, дурачок. Дурачок ты, дурачок. На работе что-нибудь? - она снова стала гладить меня голове, - все образуется. Вот увидишь.

Я всхлипнул. Ведь я ее действительно так любил.

- Ну не плачь, отдохни и не плачь, а то глаза будут красные, а с тобой вечером хочет поговорить Самвел Львович.

- Он-со мной?! - я проглотил всхлип и насторожился.

- Да, а что тут такого?

- Боже, ну о чем он может со мной говорить?

- Пусть для тебя это будет тайной. Предвкушай.

- Катя ты просто безжалостна.

- А ты нюня!

Она вернулась к компьютеру.

Оставшееся до вечера время я провел, как в бреду. Вроде бодрствовал, вроде спал.

Растормошила меня супруга. Я разлепил глаза.

- На кухне тебя ждет Самвел Львович. Будь благоразумным и спокойно выслушай его.

Хозяин сидел на кухне, на столе перед ним - бутылка водки, два стакана, на тарелке - порезанная колбаса. По тому, как аккуратно она была порезана, я понял, что резала ее Катя:

- Садись, Женька, поговорим по мужски.

Он набухал в стаканы водки. Я сел.

- Я буду краток, - сказал он, - видишь ли, я пожилой, но еще в полных силах мужчина. Мне нужен регулярный секс. Я хочу иметь его с твоей женой. За это я вам подпишу квартиру.

Катерина согласна.

- Как это?

- Да так, что ты фактически импотент, она мне все рассказала. А она девка - в соку, ее надо ебать, желательно по несколько раз в сутки. Я могу дать ей все, что не можешь дать ты.

Ну, подумай сам. Все мы получим свое. Я молодую самку, она половое удовлетворение, ты - ласковую, счастливую жену. В конечном итоге вы оба - квартиру в Москве. И все мы месте, и все под боком. И тебе не надо будет мучиться в догадках

Водка и сказанное шарахнуло мне по мозгам:

- А зачем я тогда вам нужен? И оставайтесь с ней вдвоем, раз договорились.

Он вздохнул. Налил снова:

- Видишь ли, она тебя действительно любит. Ты нужен ей для души, а я - для тела.

На ватных ногах я вернулся к Кате. Та снова села рядом со мной, снова погладила по голове:

- Поговорили? - ласково спросила она

- Да.

- Бедненький. Натерпелся. И что ты по этому поводу думаешь?

- Уже не знаю.

- Ну, подумай сам, целая квартира в Москве. Да нам не в жизнь ее не купить. И помочь нам некому. Наши родители, сам знаешь, богатств не скопили:

- Катя, скажи, у тебя уже было с ним?

Она вздохнула:

- Нет. Но сегодня будет.

- И как, и где?

- Самвел Львович пригласил меня на ночь в свою постель.

- И ты пойдешь?

- Да, - в ее голосе зазвучал металл, я понял, что она окончательно все решила, и от меня ничего не зависит, но хватался за соломинку:

- А если я тебя не пущу?

- Если любишь, отпустишь. Ну и, что скажешь?

- Иди.

Упав передо мной на колени, она расцеловала меня в щеки:

- Миленький мой, хорошенький, родной, я знала, что ты все поймешь и не осудишь. Мне сейчас так нужна твоя поддержка. Я сама на перепутье стою: Ты выбреешь меня аккуратно и чисто? Он, оказывается, любит, чтобы девочка совсем "голая" была. А мы теперь должны его всячески ублажать, чтобы он не передумал. Я бы сама, да у меня руки дрожат.

- У меня тоже.

- Я сегодня побрею тебя сам, - подал голос Самвел, и мы невольно вздрогнули. Он, оказывается, подслушивал и не скрывал этого.

Он открыл нашу дверь:

- Иди, Катя, в душ и жди меня. А ты (это он мне) беги в аптеку и купи пачку гандонов. Самый большой размер. Деньги есть?

- Есть.

Когда я вернулся с покупкой, жена уже была в нашей комнате. Ее глаза горели:

- Что уже побрил?

-Тс-с, - она приложила губки к пылающим устам и заговорщицки распахнула халат. Ее лобок был начисто выбрит.

Она не находила себе места, волновалась, металась по комнате, что-то возбужденно рассказывала. Потом стала молотить вообще какую-то чушь, и я понял, что она ждет, не дождется, когда ее пригласят. Но ее все не приглашали. Вот уж стрелки на часах перевалили за десять, за одиннадцать.

- Давай спать, - выдохнула она, выключила свет и легла прямо поверх одеяла. Она вздыхала и ворочалась и молчала.

Но хозяин явно не спешил. Не спешил и не спешил, а было уже больше двенадцати.

Наконец в дверь стукнули:

- Катя иди ко мне в постель. Совсем голая и гандоны не забудь.

Она вскочила. Включила свет, стала метаться по комнате:

-Где, где же они?!

Я тоже стал искать.

- Куда же я их сунул, а? - я беспомощно озирался по сторонам.

-А, это ты нарочно спрятал! - Ее щеки пылали.

- Как же, стал бы я прятать. Да вот они, - я протянул ей пачку.

Она сбросила халатик и ушла. Я услышал щелчок защелки в двери Савела Львовича. Я тут же прокрался в коридор и прилип ухом к их двери. За ней слышалось непонятное частое и протяжное чмокание. Я понял, что они целуются у кровати.

- Ласточка моя, как же долго я тебя хотел. Истомился весь, - прохрипел он.

- И я, - едва перевела она дух.

- Я тебя сегодня сделаю счастливой. Сейчас отсоси мне, соси до тех пор, пока хорошенько потечешь. А когда потечешь вся, скажешь.

- Я весь день теку.

- Ты еще не знаешь, что такое течка. Сейчас поймешь.

Заскрипел диван. Он лег.

- Только зубками осторожнее, - велел он, - вот так, языком под головкой. Ай, умница девочка.

- Какой он у вас большой!

-Давай, давай, наслаждай нас процессом, не отвлекайся. Сейчас попробуешь крупный хуй. Не бойся, сначала будет трудновато, а потом пообвыкнешься, будешь принимать весь, до яиц.

Сама просить будешь.

- Самвел Львович, я теку!

- Терпи, терпи, скажешь, когда совсем невмоготу станет. Язычком, язычком.

- Я теку, теку. Я хочу его.

- Не спеши, хорошая. Ты его скоро получишь.

- Я правда теку, по ногам течет.

- Вот, теперь ты знаешь, что такое настоящая течка. Потерпи еще, пусть больше смазки выделиться. Тогда тебе легче будет его принимать.

- Я хочу его, хочу, - она чуть не плакала. Я сбросил свои трусы. Мои ноги дрожали, член стоял как каменный. Хотелось сладостно дрончить.

Их диван скрипел.

- Давай надень презерватив. Не спеши, дуреха, хорошо раскатай. Теперь ложись на спину и раздвинь ноги, как можно шире.

- Я боюсь вас.

- Не бойся, я буду осторожно: Давай, шире ноги, еще шире. Привыкай принимать мужика.

- Осторожнее, - страстно молила она и тяжело дышала.

- О, да ты целочка совсем. Какая тесная, хорошо, что ты так обильно смазку выделяешь.

- Мне больно, не спешите.

- Но вот видишь, идет, а ты боялась. Ой, как у тебя матка близко.

- Дорогой мой, хороший, сильный мной, какой ты: , что со мной, я не пойму, я, кажется, кончаю.

- Подожди еще, это только предвкушение, до настоящего оргазма тебя надо поебать, тогда накроет. Диван заскрипел сильнее: Самвел задвигался интенсивнее.

Она дышала тяжело с каким-то присвистом.

- Ой, как хорошо, я не могу. Что это? . .

- Это, девочка, ебля. Я тебя ебу, потому что ты моя самка. Тебе приятно быть самкой?

- Да, мне сладко, мне невыносимо хорошо, я сейчас кончу.

- Это предвкушение, спокойно говорил он, - потерпи, скоро ты по настоящему кончишь, прими его поглубже. Диван заскрипел еще сильнее.

- Что чувствуешь?

- Чувствую его маткой. Он у меня где-то под пупком. И щекочет! Боже, какое блаженство!

- Потерпи еще, ноги пошире, подмахивай мне яростнее.

Диван стал скрипеть со страшной силой.

- А, ну что подходит? Подходит?! ! Накатывает?! !

- Да, да, да! - орала она, - блядь я сука, ебать мой, любимый мой, я теперь только с тобой буду-я кончаю, кончаю, кончаю. О-о-о! Какое это тяжелое удовольствие, - грудным низким голосом выдохнула она, и диван перестал скрипеть. Но я слышал, как она бьется и извивается под ним.

Потом она замерла.

- Подожди, это не все, - говорил он, - я еще не кончил.

Диван скрипнул раз, другой и пошел раскачиваться снова. Сначала медленно, потом все ритмичнее.

- Подмахивай мне, подмахивай!

- Пусти меня сверху.